

Бывший делец Исаев и фотограф Конюшин за долгую дорогу превратились в почти неразлучных друзей. В вагоне было просторно. Кто-то читал, кто-то пялился на мелькавшие в окнах картинке полей под грозовым сиреневым небом, другие, как обычно, шлялись по поезду или дрыхли в спальных купе.

– Вот когда я ездил на обычных поездах, а не в вакуумных, как этот, то обратный путь всегда шел быстрее, – говорил Исаев, прихлебывая сладкий чай из стакана. – А тут как-то все размыто. Непонятно, в какую сторону мы несемся, то ли на запад, то ли на восток.

– Как это непонятно, а пейзажи? – возразил Конюшин, кивая на поля в окне. Его куцый хвостик, прихваченный черной резинкой, дернулся, словно испуганный воробей.

– Ну, тут что справа, что слева – одно и то же. Тайга, избенки. А могло бы быть разнообразнее. Программист сдешевил.

Исаев стукнул по голографическому стеклу окошка и громко икнул. Конюшин собрался ответить, что мозг наш недооценивает длительность новой дороги и переоценивает длительность старой, отсюда и сбой, но вместо этого покосился на стакан Исаева и буркнул:

– Ты бы осторожнее держал стаканчик. А то ведь все перебьешь. Не хватит нам на дорогу.

– Да ты знаешь, сколько у проводницы этих стаканов! – воскликнул Исаев. – Чем чаще колотишь, тем их больше становится.

– Ничего не может увеличиваться бесконечно, – заметил Конюшин.

– Может! – по-детски запальчиво заспорил Исаев. – Хочешь сказать, и бесконечности нет?

– Думаю, нет, – подумав, ответил Конюшин. – Наверняка есть какое-то самое большое число, которое мы просто не можем представить.

– А что будет, если прибавить к нему единицу? – хитро прищурился Исаев.

– Все обнулится. Ноль получится.

Исаев хрюкнул от смеха и громко закашлялся. Пузатые щеки его налились, зарозовели. Чай заплясал в ста-

кане и капнул на хлопковую рубашку, под которой круглился мягкий тугой живот.

– Это почти как у нас на фирме, – наконец просипел он. – На страницах бухгалтерского баланса.

Первое время Исаев часто рассказывал, как фирму у него отжала большая сырьевая монополия. И послала его восвояси на копеечных отступных.

– Я умный, я не рыпался, – долдонил он товарищам-пассажирам. – Тех, кто рыпался и нюнил в Интернете, давно закрыли по экономическим статьям. А я вот жив-здоров, путешествую. – И бывший бизнесмен победно прищелкивал пальцами.

Мимо них, покачиваясь, прошла девушка с брюзгливой и как будто опухшей после сна физиономией. Девушка была совсем тонкой, так что казалось, джинсы ее еле держатся на одних лишь бедренных костяшках.

– Не здороваается, – заметил Исаев грустно, когда она исчезла из виду.

– А ты бы побольше шары подкатывал! Скоро всех женщин здесь против нас настроишь, – хмыкнул Конюшин.

– Так ты сам ее в купе приглашал на фотосессию, – обиделся Исаев. – Небось, особо не целибатствовал.

– Так я разведен хотя бы, – заметил Конюшин.

– А моя жена осталась в Москве. Так что я тоже, считай, вдовец, – парировал Исаев. И, помолчав, добавил: – Неделю уговаривал вместе поехать, всей семьей. А она говорит, мол, у детей учеба. Дети без связи в дороге не выдержат. А я ей говорю: «Ну так браузеры все равно работают, в режиме офлайн. Да, не початишься, не считаешь новости, зато можно фильмы смотреть, читать сколько влезет». Всю жизнь мы чего-то не успеваем, бегаем, а тут – времени выше крыши. Эх...

Исаев махнул рукой. Он часто поминал взбунтовавшуюся семью и каждый раз кончал одинаковой отмашкой.

– Времени? – задумался Конюшин. – Ну, мы движемся по трубе, над землей, почти без трения. Значит, времени у нас, по идее, больше, чем у тех, кто остался. Ты прав. Оно у нас течет медленнее.

– Это как в анекдоте про космонавтов, что ли? – хмыкнул Исаев. – Так мы не в космосе. Мы по Сибири фигачим. И скорость у нас – так себе скорость. Восемьсот километров в час. Вот если бы восемьсот тысяч в секунду...

– Тогда бы, – мечтательно произнес Конюшин, – мы бы двигались быстрее света. И время бы у нас шло не вперед, а назад. Выходим во Владивостоке, а там – Российская империя. Или и того раньше.

– А что там и того раньше-то было? Страшно подумать. Китайцы?

На окнах-экранах теперь расстилалась зеленая хвоя, и Конюшину даже чудилось неправдоподобное: мелькавший далеко внизу пушистый хвостик лисы, качающая ствол медвежья лапа.

– Как ты думаешь? – спросил он Исаева. – Почему поездка у нас такая, скажем, элитная, а билеты были такие дешевые? И пассажиров при этом всего ничего.

– Ну смотри, – охотно начал объяснение Исаев, допивая чай и отставляя стакан в специальную ячейку в подлокотнике, – инвесторы были японские, экспериментальный проект, так? Но потом их начали давить наши в Москве, вот они перед уходом и устроили акцию. Единственный поезд. Пятьдесят мест. Тридцать вагонов: бар-ресторан, спальни, кинозал, кухня, склад, медпункт, душевые, спортивный отсек, холодильник... – Исаев замялся, – другой холодильник... В общем, кто успел, тот пострел. А дешево – ну, это потому, что никто не брал вначале. Помнишь? Боялись. А я вот – хоп! – и рванул. – И Исаев радостно подпрыгнул в кресле.

Конюшин думал о не поздоровавшейся с ними девушке. В начале пути она ехала с мамой. Почти еще школьница, растрепанная, с выдающейся, будто раздвоенной, нижней губой. Мать страшно боялась за нее, переживала, не отпускала от себя ни на шаг. Оказывается, в Москве девушку втянули в какое-то сомнительное подполье. Завели дело за участие в экстремистских молодежных собраниях. Но мать утверждала, что это все наветы, все клевета и девушка ни в чем не виновата. Конюшин тогда почему-то страшно разозлился. Устроил скандал в вагоне-ресторане.

– Вам не должны были продавать билеты! – орал он. – Вы под следствием! Вы не имеете права разъезжать куда вздумается. Тут дети, тут мирные граждане, а вы кого привели? Террористку! Как нам теперь здесь расслабиться, как?

Мать озверела, напала на него, навалилась перезрелыми, болтавшимися под трикотажем грудями. Девушка плакала. Посыпались на пол чипсы, полилось пиво. С Конюшиным потом никто не разговаривал, и он, остыв, просил у обеих прощения, каялся, всхлипывал, бормотал:

– Я сам, сам преступник, поэтому на вас и набросился. У меня долги. Просроченные кредиты, ипотека. Задолжал кругом. Жена бросила, а договор оформлен на меня. Ну и покатился.

Исаев потянулся, зевая, посмотрел на часы и, привстав, оглянулся на сидящих в вагоне. В дальнем углу бородастый старичок играл сам с собой в дорожные шахматы. А в центре у прохода качался, нахлобучив наушники, угреватый подросток. Старичок в прошлом был каким-то большим сейсмологом, и о жизни его никто ничего не знал. Он только и делал, что жевал бороду, чах над шахматами и иногда, после рюмочки, пускался в отвлеченные рассуждения с обильным цитированием стихов.

При нем ехала не то жена, не то сиделка. За обедом она повязывала ему огромный фартук, будто ребенку. И жаловалась, что еда становится как будто бы все дряннее и дряннее на вкус.

– Сын Андреева снова музыку слушает, – сообщил Исаев Конюшину, возвращаясь на место.

– Ох уж этот Андреев, – скривился Конюшин. – Уж сколько едем, а он все носится со своей ядерной войной.

– Да уж, ссыкун еще тот, – согласился Исаев, – паникер. Сколько я ему говорил: «Если там, за пределами нашей трубы, уже повзрывалось, то мы бы это почувствовали».

– А он что?

– Да ты и сам знаешь, что он. «Труба, – говорит, – у нас свинцовая. С включением вольфрама. Защищает от гамма-лучей».

– Ха-ха, – развеселился Конюшин. – А от альфа-лучей его что защищает? Полиэтилен?

– А при чем здесь полиэтилен?

– Так он под трусы подкладывает. Чтобы радиация к причинному месту не подобралась.

– Может, не зря. Его жена, говорят, беременна, – с некоторой завистью заметил Исаев.

– Ну и правильно. Надо же нам здесь как-то продолжать человеческий род, – кивнул Конюшин.

– Между прочим, у Ноя в ковчеге вообще не было детей.

– Скажу тебе больше, дружище. Ноева ковчег тоже не было.

– Ну как же, – снова обиделся Исаев. – А глинистый слой в культурных пластах? У Евфрата. А кости животных высоко в горах? Причем самых разных. Львы, козы, ящерицы. Их находят на всех континентах. Они прятались от потопа, карабкались по скалам как могли. А китайский язык?

– Что «китайский язык»? – не понял Конюшин.

– Ты знаешь, как у них строится слово «корабль»? Из трех иероглифов. «Лодка», «восемь» и «рот». То есть восемь ртов, восемь пассажиров, переживших потоп. Ной, его супруга и три сына с женами. Так и получается – восемь.

– Ну и что? – пожал плечами Конюшин. – Пойдем лучше выпьем.

Они отстегнули ремни и, покачиваясь, направились к ресторану. Поезд подпрыгивал на вакуумной подушке и, левитируя, несся внутри трубы, обгоняя звук, вспарывая остроносым беспилотным концом разреженный воздух.

Исаев и Конюшин прошли через спальный вагон. Одно купе было переделано в часовню, и на двери его был наклеен вырезанный из картонки крест. Кажется, часовня завелась вскоре после того, как один из пассажиров сошел с ума, а следом захотел сойти еще и с поезда. Это был популярный в прошлом журналист, вылетевший в трубу после внезапного сокращения.

– Мы перерезали пуповину, – причитал он, блуждая по вагонам. – Россия, она рядом, в паре метров от нас! Но мы не видим ее! Мы не слышим ее! Мы добровольно изгнали себя из жизни. Мы внутренние эмигранты.

Его слушал только старик с шахматами, остальные старались не замечать, словно пьянчужку, справляющего нужду на улице. Кончилось тем, что журналист удавился в своем купе. Впрочем, ходили слухи, что ему помог сосед – Андреев. Потому что до самого инцидента Андреев бесился и шипел по углам, что спятивший журналист в своем стремлении вырваться из поезда разгерметизирует состав и всех угробит. Тело тем не менее отмолили своими силами и отправили в морозильный вагон-усыпальницу.

Спустя несколько лет усопла и мать девушки-подпольщицы. Никто так и не понял, отчего она умерла, но

грешили на лимон, расцветший в зимнем саду в углу вагона-ресторана. Несчастливая отекала и раздулась. Медсестра-проводница вынесла приговор: сезонная аллергия. Но антигистаминные не спасли. Потом скончался молчаливый повар. Помехи в кардиостимуляторе. Не вынес сильного магнитного поля.

Впрочем, что в точности означало «потом», «давно» и «недавно», никто не знал. За датами следили сначала по электронным календарям, но в какой-то момент приборы и телефоны начали разниться в показаниях. Андреев тогда предложил считать время по количеству остановок. Пулей долетев до Владивостока, поезд замирал на полминуты и вдруг кидался в обратную сторону. Через несколько часов примчавшись в Москву, он во весь опор удирал обратно. Но попробуй отследить все такие остановки. О долготе путешествия судили по детям Андреева. В момент посадки на рейс его сын-подросток умещался на правой отцовской руке. Сейчас он вымахал до потолка и жалко сутулился, как будто стесняясь своего роста.

– Я давно твержу, что мы внутри вечного маятника, – сказал Конюшин, когда они с Исаевым уселись за стол у цифрового окна, в котором сквозь струи ненастоящего дождя светило невсамделишное солнце. – Перпетум мобиле.

– А я бы сказал, что мы на том свете. Ну какая разница, живы мы или нет, если не знаем, что там, за пределом трубы?

– Возможно, Андреев прав и, наоборот, только мы как раз и живы. А все, что снаружи, быльем поросло.

– Нет-нет. Мне кажется, что там все наладилось. 2024-й по всем нашим подсчетам давно миновал, все образумилось. Другие люди, другая страна, другие законы. Может, и нас спасут. Остановят, выведут...

Конюшин посмотрел на размечтавшегося Исаева и расхохотался. Распустил волосы и завязал их узелком на макушке, как японец.

– Ты же знаешь, что наш поезд движется вечно. Его остановит только мощный подрыв эстакады. И тогда нам хана.

– А если холодильник заполнится до отказа? Лет через сорок? Куда нас дети Андреева денут? – спросил Исаев, хмурясь упрямо.

Но тут в вагон вошла худая девушка и под села к ним за столик.

– Все по купешкам сидят, – сказала она. – Скучно очень. Можно я с вами побуду?

Исаев вдруг расцвел, обмяк и протянул ей пухлую ладошку:

– Значит, не обижаешься? Не обижаешься? А мы решили, ты нас испугалась. А мы ж плохого не сделаем.

Прихромавшая проводница шмякнула на стол три стакана в железных подстаканниках.

– Я коньяком заправила, – хвастливо сообщила она.

– Спасибо, Танюша, – похвалил ее Конюшин. – Ну что, давайте за путешествие?

Они чокнулись. Таежный пейзаж за окном сменился на ослепительно сиявшую реку. Левый берег удалялся. Воды становилось все больше, и наконец она покрыла все.